

Дербин Е. Н.

**Концепция верховной власти Древней Руси М.В. Шахматова
и евразийство**

Выбор тематики статьи для данного сборника, посвященного юбилею профессора А.Ю. Дворниченко, обоснован тремя причинами. Во-первых, изучение проблем политогенеза Древней Руси в творчестве русских историков-эмигрантов одно из важнейших направлений научной деятельности юбиляра¹. Во-вторых, отмечая большие заслуги Андрея Юрьевича в данной области, мне хотелось бы, в продолжение собственных исследований верховной власти Древней Руси в русской зарубежной историографии², проанализировать концепцию М.В. Шахматова, как одного из крупнейших экспертов в этом вопросе в эмиграции. В-третьих, имя Мстислава Вячеславовича и его взгляды большинство историков до сих пор априори связывают с евразийством³. Необходимо выяснить: на чем основано такое утверждение и стоит ли ему доверять? Вообще, евразийское движение 1920–30-х гг. само по себе, несмотря на обилие посвященных ему работ, по-прежнему остается остроактуальной, спорной и недостаточно изученной проблемой, к которой необходимо обращаться с разных сторон и разным специ-

¹ Дворниченко А.Ю. Политогенез Киевской Руси в творчестве русских историков-эмигрантов // Клио. 2014. № 10. С. 38–46; *Он же*. Зеркала и химеры. О возникновении древнерусского государства. СПб.; М., 2014. С. 363–385; *Он же*. Г.В. Вернадский — исследователь Киевской Руси // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах. СПб., 2016. Вып. 5: К 80-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. С. 56–81.

² Дербин Е.Н. Проблема верховной власти в Древней Руси в трудах историков-юристов Харбинского центра русской эмиграции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2016. № 1. С. 18–30; *Он же*. Проблема верховной власти Древней Руси в трудах историков белградского круга русской эмиграции (1920–30-е гг.) // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Вып. 5. С. 82–105.

³ Вандалковская М.Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М., 1997. С. 115, 118–119; *Она же*. Историческая наука российской эмиграции (1920–1930-е гг.) // Очерки истории отечественной исторической науки XX века. Омск, 2005. С. 417; Хачатурян В.М. Культура Евразии: этнос и геополитика // Евразийская идея и современность. М., 2002. С. 103; Маслин М.А. «Евразийские временники» как источник классического евразийства // Там же. С. 249; Малявин С.Н. История русской социально-философской мысли. М., 2003. С. 142; Цепилова В.И. Историческая наука русского зарубежья: проблемы историографии (1920–2004 гг.). Екатеринбург, 2005. С. 166; Суслов А.А. Русские политические идеалы в евразийской историософии: образ «государства правды» // Вестник РГГУ. Сер.: Философия. Социология. Искусствоведение. 2008. № 7. С. 174–185; Гачева А.Г. Идея «Третьей России» и пореволюционные течения русской эмиграции // В поисках новой идеологии: Социокультурные аспекты русского литературного процесса 1920–1930-х годов. М., 2010. С. 381; Васильев А.А. Евразийская концепция государства правды М.В. Шахматова // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения: матер. Шестой Всерос. науч.-практич. конф. (с междунар. участием). Барнаул, 2012. Т. 1. С. 78–82.

алистам. Возможно, тогда евразийской концепции найдется объективное место и в исторической науке.

Существует мнение, что «жизненный путь полузабытого ученого-правоведа и историка по-прежнему остается темным пятном в истории русской правовой мысли»⁴. Это далеко не так. Даже краткий обзор известных данных позволяет представить и правильно оценить жизнь и творчество Мстислава Вячеславовича Шахматова (1888–1943). Племянник знаменитого академика А.А. Шахматова, он окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета, где учился у другого известного академика, историка русского права М.А. Дьяконова. Оба они оказали непосредственное влияние на тематику будущих работ М.В. Шахматова. Начав свою научно-педагогическую деятельность непосредственно в 1917 г., как ученый он сложился уже в эмиграции. С 1922 г. и до конца жизни местом его деятельности будет Прага. Здесь, на Русском юридическом факультете Мстислав Вячеславович прошел все ступени ученой карьеры: магистерские испытания, защита диссертаций по истории русского права на степень магистра (1927)⁵ и доктора (1935)⁶. После переезда Г.В. Вернадского в США в 1927 г. приват-доцент М.В. Шахматов становится основным профессором по своему предмету на факультете⁷. Он активно работал и в других пражских вузах русской эмиграции, а также участвовал в многочисленных научных обществах: член Объединения русских юристов, Русской академической группы, Русского исторического общества, Славянского института и др. Интересовался музыкой, иконописью, писал стихи⁸.

Впервые М.В. Шахматов громко заявил о себе двумя статьями в «Евразийских временниках» в 1923 и 1925 гг.⁹ Его появление в этих изданиях было во многом случайным и считалось обеими сторонами (основоположниками евразийства и им самим) ошибочным. В самом движении он никогда не участвовал и евразийцев публично не поддерживал (во всяком случае, таких данных нет). Публикации в их изданиях были вызваны сиюминутными потребностями. С одной стороны, М.В. Шахматов в это время писал свою магистерскую диссертацию «Учения русских летописей домонгольского периода о государ-

⁴ Васильев А.А. Концепция государства правды и царя-подвигоположника М.В. Шахматова // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 5. С. 6.

⁵ Шахматов М.В. Опыт по истории древнерусских политических идей. Т. 1. Учения русских летописей домонгольского периода о государственной власти. Прага, 1926. Кн. 1. Начало соборности; Прага, 1927. Кн. 2. Начало единоличной власти. 575 с. (единая пагинация).

⁶ Шахматов М.В. Исполнительная власть в Московской Руси. Прага, 1935. 94 с.

⁷ О Русском юридическом факультете в Праге см.: Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1991. С. 64–71; Ковалев М.В. Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940 гг.). Саратов, 2012. С. 189–198.

⁸ Демина Л., Мохначева М. Шахматов Мстислав Вячеславович // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: Энциклопедический словарь. М., 1997. С. 711; Смолен М.Б. Историческая справка об авторе книги // Шахматов М.В. Государство правды. М., 2008. С. 306–307; Сорокина М.Ю. Российское научное зарубежье: матер. для биобиблиографического словаря. Вып. 4: Юридические науки: XIX — первая половина XX в. М., 2011. С. 192–193; Ковалев М.В. Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940 гг.). С. 193, 277–279, 285–286.

⁹ Шахматов М.В. Подвиг власти: Опыт по истории государственных идеалов России // Евразийский временник. Берлин, 1923. Кн. 3. С. 55–80; Он же. Государство правды: Опыт по истории государственных идеалов России // Там же. Берлин, 1925. Кн. 4. С. 268–304.

ственной власти» и нуждался в публикациях. Недаром он рассматривал эти статьи, как целую серию работ, раскрывающую собственную концепцию автора, а не отдельные публикации в поддержку евразийства¹⁰. В условиях эмиграции, особенно в начале 1920-х гг. в Праге, найти возможность печатать научные статьи было крайне сложно (не было средств, обязательно нужны были личные связи) и конечно авторы сами шли к евразийцам, у которых эта возможность была. М.В. Шахматов просто воспользовался, скорее всего, предложением П.Н. Савицкого, который, как и другие лидеры евразийства, искал в это время научных экспертов в предстоящих к евразийскому утверждению специальных темах. Их сборники обычно были тематические, но среди евразийцев к этому моменту не было ни профессиональных историков, ни юристов, ни религиозных мыслителей, ни вообще крупных ученых. Из опубликованной переписки Г.В. Флоровского с Н.С. Трубецким и Н.С. Трубецкого с П.П. Сувчинским становится ясно очевидным. В 1923 г. они намеревались приступить к изданию «толстого журнала» и перетянуть к себе «даже безразличные силы, которые можно заставить служить себе» «по малогодности собственных», «одни мы не в силах (нет знаний!) широко выполнить задание, а узко — само по себе уже слабо» (Г.В. Флоровский — Н.С. Трубецкому, 1923)¹¹. Они называли их «старые гримзы», «технические силы», «иноверцы». Отсюда понятно, что привлечение новых авторов в свои коллективные издания было поставлено «на правах сочувствия», «не подпуская к самому редактированию и установлению направления»¹², «редакция — наша и руководящие точки зрения раскроем мы и таким образом явимся погонщиками стада» (Г.В. Флоровский — Н.С. Трубецкому, 1923)¹³. Исследователям с близкими взглядами заказывались специальные статьи на заданную тему, т.е. они откровенно использовались как «спецы». Кого-то это устраивало, и они становились постоянными членами движения (Г.В. Вернадский, Н.Н. Алексеев и др.). При этом видоизменяя свои прежние представления, подстраиваясь под лидеров. Кто-то разрывал отношения с их изданиями впоследствии (Л.П. Карсавин, П.М. Бицилли и др.). Хотя тогда уже Н.С. Трубецкой не видел в этой затее ничего хорошего для евразийства. «"Спецы" при выполнении заказов довольно свободно трактуют свои задачи и уклоняются от директив», — писал он П.П. Сувчинскому¹⁴.

В итоге к задуманному Г.В. Флоровским сборнику о православии с основной мыслью о культурном своеобразии России (Евразии) был привлечен М.В. Шахматов, который как раз подходил, т.к. работал в это время над диссертацией по истории древнерусских религиозно-политических идей. Однако если в начале 1923 г., до публикации первой статьи М.В. Шахматова «Подвиг власти», Г.В. Флоровский писал Н.С. Трубецкому, что «Шахматов — почти уже евразиец», то в конце года, в связи с обсуждением следующего сборника: «Участие Шахматова для меня тягостно, т.к. после первого опыта комом я не чувствую к нему минимального доверия, — то, что о его заданиях для православного сборника го-

¹⁰ Шахматов М.В. Государство правды. М., 2008. С. 48. Прим. 1.

¹¹ Соболев А. К вопросу о внутренних трениях и противоречиях в евразийстве 1920-х годов // Россия XXI. 2002. № 5. С. 166–196.

¹² Трубецкой Н.С. Письма к П.П. Сувчинскому: 1921–1928. М., 2008. С. 67.

¹³ Соболев А. К вопросу о внутренних трениях и противоречиях в евразийстве 1920-х годов.

¹⁴ Трубецкой Н.С. Письма к П.П. Сувчинскому: 1921–1928. С. 68.

ворил П.Н. [Савицкий], меня прямо устрашает. Это дурные мифические bluffs [блеф]. Я очень прошу ... его устранить, — его участие для меня болезненно и мучительно»¹⁵. Что не устраивало евразийцев в М.В. Шахматове? С одной стороны, как писал Н.С. Трубецкой в письме П.П. Сувчинскому (по поводу высказываний Г.В. Флоровского): «Ш[ахматов] человек дурного вкуса; можно поставить ему условием, чтобы без лирики и попредметнее», ибо «он не верит в эту Россию, в которую верим мы и ищет спасения в отвлеченном от жизни богословии и аскетизме. Это — не наш подход, ибо мы от жизни не бежим»¹⁶. С другой стороны, сами идеи М.В. Шахматова никак не соответствовали евразийским установкам. В противоположность им он выступал против материалистических западных теорий. Его не устраивало то, что евразийцы отвергали всю ту культуру, которая существовала в России, а на месте разрушенного хотели создать что-то новое. Об этом он определенно и жестко высказался в специальной статье «Самобытничество и любовь к Отечеству»¹⁷. В концепции М.В. Шахматова нет ни «исхода к Востоку», ни решающего фактора месторазвития, ни представления о России как Евразии, ни идеи борьбы как движущей силы истории, ни, наконец, евразийского понимания блага татаро-монгольского нашествия¹⁸. Его теория «государства правды», в основании которой лежали религиозные начала соборности, единичества и богоустановленности власти, ближе к возрожденному славянофильству. Он него, кстати, отрекся Н.С. Трубецкой и призывал к этому других евразийцев¹⁹. Единственное, что роднит М.В. Шахматова с евразийством, это представление о самобытности исторического пути России и его резком отличии от Запада. Поэтому, по меньшей мере, странным выглядит тезис А. Сулова о том, что М.В. Шахматов сыграл заметную роль в формировании «евразийской» историософии²⁰. А где, хочется спросить, доказательства?

¹⁵ *Соболев А.* К вопросу о внутренних трениях и противоречиях в евразийстве 1920-х годов.

¹⁶ *Трубецкой Н.С.* Письма к П.П. Сувчинскому: 1921–1928. С. 67, 69. — О неспособности М.В. Шахматова к традиционной (позитивистской, эмпирической) научной работе отметили многие современники: Н.Н. Алексеев, Н.Е. Андреев, Б.Н. Лосский, С.Г. Пушкирев, Т.А. Рейзер-Бем, Г.Д. Гурвич. Но это нисколько не умоляет значимости оригинальной концепции М.В. Шахматова для русской историографии. — См.: *Алексеев Н.Н.* Из Царьграда в Прагу. Русский юридический факультет // *Паушто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. С. 221; *Андреев Н.Е.* То, что вспоминается. Из семейных воспоминаний Николая Ефремовича Андреева (1908–1982). СПб., 2008. С. 318; *Ковалев М.В.* Историческая память и идентичность российской эмиграции 1920–1930-х годов. Саратов, 2013. С. 25; *Назмутдинов Б.В.* Политико-правовые воззрения евразийцев в российском государствоведении XX века. М., 2013. С. 166.

¹⁷ *Шахматов М.В.* Самобытничество и любовь к Отечеству // *Возрождение.* 1925. № 153, 160, 174.

¹⁸ По М.В. Шахматову, «роковое монгольское нашествие оказывает облагораживающее влияние на построение русских понятий о государственной власти» лишь в смысле того, что толкает народ и князей на необходимость совместных подвигов против Орды, во имя «правды», как она тогда понималась (об этом см. ниже). — *Шахматов М.В.* Государство правды. М., 2008. С. 7, 14–15.

¹⁹ *Трубецкой Н.С.* Письма к П. П. Сувчинскому: 1921–1928. С. 102–103.

²⁰ *Сулов А.А.* «Государство правды» в трудах М.В. Шахматова и Н.Н. Алексеева // *Свободная мысль.* 2007. № 7. С. 180. — Да, конечно, отдельные идеи М.В. Шахматова использовались в дальнейшем евразийцами. Например, привлечение им народных песен и былин в качестве источника для изучения древнерусских государственно-правовых идеа-

Таким образом, только установив разграничение точек зрения евразийцев и М.В. Шахматова²¹, можно спокойно приступить к рассмотрению его оригинальной концепции истории древнерусских политических или государственно-правовых идей, основанной на тщательном анализе содержания древних произведений письменности и фольклора, прежде всего, летописей. «Значение этого великого литературного наследства до сих пор еще изучено недостаточно всесторонне», — считал историк. «До настоящего времени летописи использованы были преимущественно как источник изучения внешней русской истории (права, хозяйственного быта и пр.) или изучались как литературный и филологический памятник»²². М.В. Шахматов же, обращаясь к изложению летописных политических учений, называл это внутренней историей. Причем утверждал, что раз она вытекает из религии, сверхсознательна, то лишь отчасти составляет предмет науки. Поэтому, «непознаваемая научно лишь по слабости человеческой мысли», может быть доступна религиозному созерцанию и опыту²³. Эту историософскую особенность восприятия проблемы верховной власти Древней Руси необходимо учитывать при выявлении, анализе и систематизации взглядов М.В. Шахматова. К тому же, они разбросаны по многим его работам²⁴. В каждой последующей он стремился развивать мысли предыдущей, а не повторяться, часто использовал новые понятия, определения, эпитеты и сравнения. Впрочем, историософская направленность трудов по истории государства и права России в эмиграции была нормой, заметно отличавшей от подобных им дореволюционных и советских работ. Отчасти, это объяснимо отсутствием необходимых архивов за рубежом, недостаточностью библиотек, тяжелейшими условиями работы и пр.

В периодизации русской истории М.В. Шахматов придерживался традиционной точки зрения о развитии, «преимущественно в зависимости от изменений государственного строя и связанных с ними этапов усиления верховной и всякой вообще власти». Таким образом, древнейшим, по его мнению, становится домонгольский период (IX — сер. XIII в.), он же — «земский». В государственном строе земель-государств Древней Руси этого времени историк видел дуализм верховной власти: княжеско-дружинной и вечевой²⁵. До принятия христианства

лов наверняка повлияло на их дальнейшее применение в трудах Н.Н. Алексева, Г.В. Вернадского, П.Н. Савицкого. Последний, даже, рецензируя «Историю России», вышедшую в 1932 г. на французском под редакцией П.Н. Милокова, Ш. Сеньобоса и А. Эйзенмана, как один из главных упреков авторам ставил отсутствие характеристики русского былинного эпоса. «Между тем, несмотря на все искажения, которые претерпел этот эпос при переходе с социальных верхов в народные массы, это, пожалуй, самый яркий исторический памятник, сохранившийся до нас от тех столетий», — писал П.Н. Савицкий. — См.: *Савицкий П.Н.* Избранное. М., 2010. С. 499.

²¹ В этой мысли я конечно не одинок. — См.: *Назмутдинов Б.В.* Политико-правовые воззрения евразийцев в российском государствоведении XX века. С. 15–16, 20, 32–33, 68–69, 110–111.

²² *Шахматов М.В.* Государство правды. М., 2008. С. 21.

²³ Там же. С. 40.

²⁴ Список работ М.В. Шахматова (далеко не полный и с ошибками) см.: *Смолин М.Б.* Историческая справка об авторе книги. С. 307.

²⁵ *Шахматов М.В.* Государство правды. М., 2008. С. 17, 28, 54–55, 139–140, 150, 155, 167. — Историк употреблял и другие понятия для обозначения домонгольского периода: «дружинно-вечевой» или «княжеско-вечевой», «киевский», а также «Киевская Русь». Последнее не более чем эпитет. Везде он стремился подчеркнуть, что древнерусское по-

единственным источником властвования было, по его мнению, «превосходство естественной силы», которое дает «их обладателю и власть, и почет, и значение». Князья и их хорошо вооруженные «дружины были почти что первой организацией силы на Руси, необходимой как основа для появления государственности; или, употребляя образное сравнение, они были первым железным остовом, скрепившим твердой властью все девственные и неустроенные земли Восточной Европы». Подчинив своей власти бесчисленные славянские роды и племена, бессильные справиться со смутой, они сумели, по воспоминаниям летописей, водворить в стране мир и порядок. Но их богатырские подвиги, где средством являлось «лишь брожение бессознательной, слепой силы природы», все уничтожающей на своем пути, не знающей себе противников и препятствий, «нравственно и юридически безразличны». Они находят удовлетворение только в самом себе. «Общество, во главе которого стоят подобные богатыри, не есть, в сущности, государственное образование, а скорее построение, основанное на сочетании, равновесии стихийных сил», — отмечал историк. Подвижные, полукочевые дружины — «военно-гражданские органы бродячей, непостоянной, еще не сросшейся с землей княжеской власти, стоящей в ней с дружиной скорее временным станом, чем как постоянное учреждение», «витали только на поверхности государственной жизни и не могли поддерживать порядка и права в более глубоких толщах народа. Кроме того, дружинники были лишь младшими товарищами князя и бояр, очень условно им подчиненными и потому не давали им возможности полностью развить своей власти». Стремилась лишь на рыцарские подвиги, скитались по земле в походы и на полюдья и не заботились «о прочном земском устроении»²⁶.

После торжества христианства появляется новый источник власти — богоустановленность, целью которой «является служение праву, правде и справедливости». Только такое служение, считал М.В. Шахматов, ведет «к образованию истинного общественного порядка и крепких государственных устоев». «Однако, юридические термины того времени не были точно установлены и, вообще, понятия тогда еще не дифференцировались: целому ряду наших современных понятий соответствовало одно более обширное понятие древней Руси». Так термины «закон» и «право» на Руси, по мнению историка, совершенно не соответствовали современному представлению о них. Первый обозначал «одновременно веру, вероисповедание, закон религиозный, нравственный и естественный и, наконец, закон государственный». В представлении того времени он являлся «вечными и неизменными правилами, установленными на вечные времена Богом, православным царем, имевшим пребывание в далеком Цареграде, или из-

литическое самосознание отражало не одно, а различные русские государства этого времени, «многодержавие». Причем, даже сравнивал «русские города-волости киевского периода» с античными городами-государствами, где граждане, «как привилегированное меньшинство пользовались сравнительно неограниченным правом свободы. Зато огромное большинство населения несвободное и полусвободное (челядь, холопы, рабы, закупы и др.) находилось в совершенно другом положении». Поэтому М.В. Шахматов, «как и большинство государств древности», называл наши города-государства «рабовладельческими государствами» (с. 183).

²⁶ Там же. С. 5, 55, 57, 105–106, 189. — Ср. на с. 167: «дружинник служил князю киевского периода по добровольному с ним соглашению, пока хотел и пока его вождь с ним советовался. В противном случае он мог ... покинуть службу».

начальным обычаем». Отсюда «его нельзя было устанавливать произвольно — ни князь, никакая другая власть на Руси не могла издавать законов (князь издавал лишь уставы, устанавливал уроки)». Термин же «право» тогда еще не существовал. Его заменяло, утверждал М.В. Шахматов, более обширное понятие «правда». «Этим именем обозначаются и нормы справедливости и естественного права, и право государственное и международное, и право гражданское и уголовное»; «сюда входят не только право в объективном и субъективном смысле слова, право положительное и идеальное, но и правда — справедливость и правда Божеская». Главной целью «правды», как древнего русского государственно-идеала, становится общественное благо. «Воплощением этого последнего становится князь-подвигоположник, носитель идеальной правды и ее мерило», «слуга Божий, посаженный на “престол правды” служителями алтаря Господня». «Идеал мученического подвига власти» — это «подвиг любви, страдания, самопожертвования во имя Божие, во имя высоких убеждений, ради ближнего и отечества». Поэтому, с одной стороны, «князю вменяется целый ряд обязанностей в области военного дела, суда, управления и даже — множество нравственных обязанностей, ибо по воззрениям того времени от праведности князя зависело благосостояние страны». С другой стороны, отмечает историк, «в эпоху создания русской государственности общественное благо видели не столько в обеспечении материального благосостояния, сколько в духовном спасении народа, и правильно думали, что последнее естественно ведет к первому. Поэтому государство ставило себе три главных задачи: блюстительство православия, водворение правды на земле и защиту лишь в общих чертах физического существования народа. Из означенных целей с юридической точки зрения наиболее важной целью княжеского подвига является водворение “правды” на земле»²⁷.

Итак, в Древней Руси, по мысли М.В. Шахматова, возникает концепция «государства правды», которая окончательно сложилась к XVI в. в виде «идеалоправства», подчинения «правде»²⁸. Главную сущностью ее в отличие от западноевропейского правового государства, основанного на прирожденных правах человека и ведущего к неустанной борьбе, составляет изначально данная Богом в Святом Писании истина христианской взаимной любви князя с народом и своими дружинниками, взаимного служения. Этот идеал «любви-“одиначества”» «не ограничивается требованием взаимных совещаний и совместной работы, он требует от обоих сверхдолжного и чрезвычайного — геройских подвигов и самопожертвования друг ради друга». «В концепции “государства правды” в ее идеальном аспекте господствует ни одна земная воля, во имя чьих бы то ни было эгоистических интересов. Здесь и правитель, и народ отказываются от собственной воли, подчиняясь воле Божией, и властвуют в любовном единении во имя воли Божией, Правды Божией, во имя высокого, неизреченного идеала». «В данном отношении “государство правды” не подходит ни под одну из тради-

²⁷ Там же. С. 5, 12–15, 17–18. — Ср.: *Шахматов М.В.* Опыты по истории древнерусских политических идей. С. 249–299, 475–480.

²⁸ *Шахматов М.В.* Государство правды. М., 2008. С. 13, 16, 20, 32–35. — Причем монгольское нашествие, подчеркивал М.В. Шахматов, сыграло большую роль в развитии этой доктрины. Оно «резко и насильственно нарушило старую русскую правду, издавна установившую государственный и правовой строй» и привело к возникновению единодержавия. Однако, не путем восточных заимствований и влияний, как утверждали евразийцы, а через христианскую веру в князя, как борца со злом и беззаконием татарским (с. 14–15).

ционных государственных форм. Ибо “государство правды”, “царство правды”, Царство Русское не есть монархия, так как в монархии правитель подчиняется лишь своей собственной воле и ею установленным законам; не республика, ибо в республике народ подчиняется только своей собственной воле и законам, ею установленным; не смешанная форма правления, где господствует компромисс между двумя волями». «Государство правды» выше монархии и республики, как воля Божия выше воли человеческой. “Правда Божия” выше правды земной. Здесь суверенную, самодержавную верховную власть составляют не люди, а правда Божия, представляющая кристаллизированное выражение воли Божией. И если правитель или народ принимают какое-либо государственное дело, решение, то прежде всего чем решать дело, они обязаны установить, как его лучше разрешить согласно воле Божией, и тогда уже выносить свое постановление». Отсюда «для “государства правды” сравнительно второстепенное значение имеет вопрос о юридическом строении государства, но гораздо большее, перво-степенное значение имеет вопрос о преемстве благодати от Бога». «Богом установлена не только власть вообще, но и форма правления и власть каждого отдельного властелина. ... Форму правления нельзя создать — ее надо заслужить. Так по более ранним летописям Божественного происхождения признавалось многодержавие, пока оно существовало в древней Руси»²⁹.

«Древняя письменность проповедовала проведение начал правды в политическую жизнь — любовь и братство между князьями и народом, уничтожение междукняжеских и междуземельных усобиц, междупартийных раздоров, классовой борьбы, она проповедовала, что исполнение ее советов поведет за собой спасение и благодать Божию». «Принцип любви и правды требует, чтобы отношения между правительством и народом или между различными государствами не были построены только на силе или формальном праве, обеспеченном силой». Однако М.В. Шахматов понимал: «Было бы, конечно, непростительной ошибкой принять повествование письменности за историческую действительность». В ней в Древней Руси господствовали сила и «национальный, извечный, изначальный обычай», по которому широко применялся принцип вечевоего народовластия. Поэтому «в летописях земского периода (XI–XII вв.) наряду с проповедью правды в политических отношениях мы видим неустанное стремление сочетать идеал правды с существовавшим тогда государственным строем, водворить правду на земле, по возможности не ломая существовавших тогда государственно-юридических рамок»³⁰. В своей магистерской диссертации М.В. Шахматов подробно писал о том, что «наши летописи, изображая государственный строй древней Руси земского периода, определенно свидетельствуют о распространенности вечевых собраний на всей территории земли Русской. Они были органами народной власти во всех существовавших тогда небольших землях-государствах, и право веча на участие в государственном правлении не подвергается сомнению со стороны большинства летописей». «В своем праве избирать князей, утверждать в данном отношении свое “хотение”, участники вечевых собраний, видимо, вполне уверены и, когда это возможно, распоряжаются княжеским столом, как полные хозяева, неограниченные властодержцы». «Не только члены вечевых собраний, но порою и дружинники, сами князья и некоторые

²⁹ Там же. С. 16–17, 32–33, 39–40, 42–43.

³⁰ Там же. С. 12, 23, 28, 32, 37–38.

летописцы, видимо, уверены в державном значении народной воли, народного «хотения». С другой стороны, «нормальный порядок, по мнению летописей, должен отводить значительное место княжеской власти. Лишь в виде исключения население какой-либо области может быть в большей степени освобождено от обязанностей подчиняться князю»³¹. Однако в действительности, как отмечал М.В. Шахматов, «в дотатарское время мысль о страдальческом подвиге князя не получает еще достаточного развития. Наряду с ней в душе князя живет еще и даже преобладает любовь к подвигу богатырскому, находящему удовлетворение в самом себе. Для древнего князя война не есть страдание по необходимости, а любимое занятие, искание славы и хвалы за свою удаль и силу. ... Если мы вдумаемся глубоко в летописные повествования о Киевской Руси, то мы почувствуем, сколько было в ней былинного, богатырского духа»³². Отсюда, с точки зрения летописей, считал историк, «две изначала данных истины: правда Божия и правда изстаринного обычая могут быть несогласны между собой». Поэтому «для достижения равновесия между двумя главными элементами верховной власти» политический идеал Древней Руси стремился сочетать их, представив в летописях «синтез конкретного национально-государственного строя и идеала с идеалами религиозными». Учитывая это, М.В. Шахматов рассматривал проблемы престолонаследия, междукняжеских отношений и вечевого народовластия. В первых двух вопросах он приходил к выводу, вслед за исследованиями М.Д. Приселкова, что «исконным началом русского идеального права является не наследование престола старшим», проект которого для устроения междукняжеских отношений вышел из стен Киево-Печерского монастыря, «а наследование лучшего из династии!» «Русские люди неустанно ищут князя, любящего “суд и правду”, и порой находят их. Князья, удовлетворяющие такому идеалу, поднимаются в глазах народа на недостигаемую высоту, их подвиги и деяния подробно описываются в летописях, им слагаются “похвалы” и “слава”. Правление таких князей кажется летописцам приближением к торжеству осуществленного, хотя и на короткое время, политического идеала. О таких князьях говорилось, что правда жила в них, истина в них ходила. Но «суровая жизнь чаще неумолимо разрушала мечты наших древних книжников о сочетании существовавшего тогда государственного строя с идеалами “правды”. Высокие примеры князей-правдалюбцев, князей-исповедников христианства не только по форме, но и на деле, не убеждали большинства русских князей»³³. Поэтому в переходе столов и в междукняжеских отношениях в действительности одновременно использовались самые разнообразные принципы — старшинство, отчинное право, завещание, избрание вечем, договоры князей и конечно сила их³⁴. Тоже М.В. Шахматов наблюдает в опытах народовластия. Буйные вечевые сходки шумных торговых городов, «где неустроенный еще и мятущийся народ, собираясь под звуки колокола, проявлял свою девственную властную волю», не были «особенно правильным и вполне постоянным учреждением». Принцип «власти веча главного го-

³¹ Шахматов М.В. Опыты по истории древнерусских политических идей. С. 97–98, 124. — Новгородские привилегии, считал историк, не исключали право князя, с которым заключался ряд, наказывать народ.

³² Шахматов М.В. Государство правды. М., 2008. С. 7.

³³ Там же. С. 19, 23, 26–28.

³⁴ Шахматов М.В. Опыты по истории древнерусских политических идей. С. 104–119, 242–246, 350–407.

рода над своими пригородами, своею областью или собственным народом» разбивался «о непрекращающееся соперничанье городов между собой ... и внутри городов не было мира и правды: люди меньшие, “мезиньнии”, вставали на ящиках, старейших и вызывали неустанную классовую борьбу»³⁵. Договоры князей с народом, обязательные с обеих сторон, как основа прав веча на избрание или изгнания князя, согласно обычаю, не исключали большой роли княжеской власти, необходимой даже в Новгороде, так как тот же обычай повелевал подчиняться воли княжеской, обнимавшей все отрасли жизнедеятельности общества. «Однако на страницах тех же летописей, наряду с приведенным взглядом на народную власть, на неограниченность народного “хотения” и произвол княжеской власти, проводится мысль в необходимости обоснования, оправдания и согласования с началами богоустановленности обеих форм верховной власти, — подчеркнул историк³⁶.

Таким образом, М.В. Шахматову, вслед за летописцами, верховная власть Древней Руси представлялась в очень сложном виде. Причиной тому, по его мнению, является, с одной стороны, «нежелание князей и общества сочетать начал правды с существовавшим тогда княжеским владением и вечевым строем», «государственной действительностью». С другой — невозможность, бессилие и неудача древнерусских книжников «сопречь Правду Божию с формами государственного строя земского периода в обоих основных его поворотах ... и с княжеским многодержавием, и с вечевым порядком»³⁷. Отсюда, такие интересные и оригинальные формулировки: «князь древней Руси не являлся монархом в полном смысле этого слова, ибо ему вменяется в обязанность не стремиться к единовластию, не перенимать власть русскую всю; он и не простой орган вечаевой власти, ибо власть его обосновывается преимущественно его родословием, его субъективным публичным правом на власть, он и не наёмный сторож земли русской, а властелин по собственному праву и делегации Божества». «Характер княжеской власти был по представлению летописей чрезвычайно многосторонним. Как совместная власть довольно многочисленной группы лиц целого рода, с рыцарским оттенком прав и поведения его членов, княжеская власть носила сильный отпечаток высшей аристократии; как власть единоличная князя в его osobной волости, она носила оттенок монархический; по своему религиозному авторитету и производству своих прав от Бога — она подчинялась Богоправству; по своим отношениям к вечу — была сродни органам народоправства. В таком сложном представлении о княжеской власти можно видеть компромисс между различными, часто противоположными идейными течениями»³⁸. «С точки зрения древнерусского книжника», утверждал М.В. Шахматов, недостаточно было

³⁵ Шахматов М.В. Государство правды. М., 2008. С. 29, 61.

³⁶ Шахматов М.В. Опыты по истории древнерусских политических идей. С. 100–112, 121–125, 480–555. — Ср.: «Однако, сравнительно с теорией Божественного происхождения власти Московских государей теории богоустановленности многодержавия и народоправства остались мало развитыми. По вопросу о том, какая власть от Бога, а какая нет, в летописях мы не найдем единогласия, но принцип, что власть может существовать лишь поскольку она богоустановлена, признается всеми» (Шахматов М.В. Государство правды. М., 2008. С. 48, прим. 9).

³⁷ Шахматов М.В. Государство правды. М., 2008. С. 30, 32.

³⁸ Шахматов М.В. Опыты по истории древнерусских политических идей. С. 466–467, 469–470.

бы сказать, что «власть есть господство одних и покорение других, — это было бы упрощением понятий того времени». Потому что «летописи понимали “власть” не как отвлеченный принцип, а как властвование, связанное с реальным образом властодержателя» — князя и веча. В итоге «понятие о власти оказывается весьма сложным, состоящим из многих элементов:

- 1) власть есть воля господствующая, правящая, требующая;
- 2) власть есть сила (военная, физическая, экономическая, этическая, Божья) побеждающая, покоряющая;
- 3) власть есть господство (в широком смысле — люди, территория, народы);
- 4) непререкаемая авторитетность;
- 5) иерархическое первенство на лестнице старейшинства;
- 6) юридическая управомоченность: а) отчина, отчинное владение, публичная собственность по праву наследования, б) договорное притязание на основании ряда князей между собою, ряда князя с вечем, дружиной, ряда вечников между собою, в) составная часть земского строя, наряда, государственного устройства (в смысле обычного права), устройенья дедня и отня, г) составная часть вселенской системы правды, д) божественное поручение и особый вид служения Богу;
- 7) средоточие системы единства, точка, к которой сходятся все нити государственной и общественной жизни земли;
- 8) устрашающая гроза, бич Божий;
- 9) качественное превосходство и водительство в делах войны и управления, в религиозных, национальных и нравственных вопросах, образец для подражания;
- 10) отеческое попечение и служение народу»³⁹.

В итоге, суммируя представленные историко-правовые взгляды М.В. Шахматова на верховную власть в Древней Руси, необходимо отметить сложность и парадоксальность их восприятия, отчего многие эмигранты и советские историки либо резко критиковали, либо просто высмеивали его идеи. Однако хочется отделить публицистическую и научную составляющую его работ. В первом случае, историк исходил из того, что «современное человечество, создавшее идеал правового государства, уже перестает им удовлетворяться. Оно разочаровалось в возможности найти правовую форму, обеспечивающую идеальное государство. Вся Европа переживает кризис правового самосознания», т.к. «утверждает принцип отделения права и нравственности». Поэтому М.В. Шахматов призывал к возрождению в мышлении и применению в жизни выявленную им древнерусскую доктрину «государства правды», которая может разрешить кризис современного правосознания. Хоть она и была заимствована из Библии и Византии, но по-особому развита именно на русской почве. Демонстрируя ее реализацию в конкретной исторической жизни России, историк приходил к мнению, что неосуществленный в домонгольской Руси и достигнутый в Московском государстве данный государственный идеал говорит сам за себя: «что могут существовать государства, где отношения между правительством и народом построены не только на праве, но еще в большей степени на отношениях христианской нравственности», взаимной любви⁴⁰. Этот призыв М.В. Шахматова к построению нового государства на прежних основаниях, конечно, принят

³⁹ Там же. С. 565–568.

⁴⁰ Шахматов М.В. Государство правды. М., 2008. С. 19, 24–25, 36, 39–41.

не был из-за неясности практической его реализации. Здесь большой популярностью стали пользоваться идеи евразийцев, с которыми как показано, его необходимо разделять. Но научные поиски историка, как мне представляется, имеют свою ценность. В его концепции наиболее остро в отечественной историографии прозвучала идея неопределенности с современной юридической точки зрения верховной власти на Руси, о ее сакральном характере и многообразии проявления. В своих конкретно-исторических взглядах М.В. Шахматов выступал как оригинальный наследник дореволюционной исторической науки в условиях эмиграции, петербургской исторической школы. В его построениях нашла отражение и теория городов-государств Древней Руси, с успехом развиваемая и сегодня в творчестве А.Ю. Дворниченко.

Источники и литература

1. *Алексеев Н. Н.* Из Царьграда в Прагу. Русский юридический факультет // Пашуто В. Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М.: Наука, 1991. С. 205–224.
2. *Андреев Н. Е.* То, что вспоминается. Из семейных воспоминаний Николая Ефремовича Андреева (1908–1982). СПб.: Дмитрий Буланин, 2008.
3. *Вандалковская М. Г.* Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М.: Памятники ист. мысли, 1997.
4. *Вандалковская М. Г.* Историческая наука российской эмиграции (1920–1930-е гг.) // Очерки истории отечественной исторической науки XX века / Под ред. В. П. Корзун. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 397–435.
5. *Васильев А. А.* Евразийская концепция государства правды М. В. Шахматова // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения: материалы Шестой Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), г. Барнаул, 25–26 июня 2012 г.: в 2 т. Барнаул, 2012. Т. 1. С. 78–82.
6. *Васильев А. А.* Концепция государства правды и царя-подвигоположника М.В. Шахматова // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 5. С. 6–9.
7. *Гачева А. Г.* Идея «Третьей России» и пореволюционные течения русской эмиграции // В поисках новой идеологии: Социокультурные аспекты русского литературного процесса 1920–1930-х годов. М., 2010. С. 375–422.
8. *Дворниченко А. Ю.* Политогенез Киевской Руси в творчестве русских историков-эмигрантов // Клио. 2014. № 10. С. 38–46.
9. *Дворниченко А. Ю.* Зеркала и химеры. О возникновении древнерусского государства. СПб.: Евразия; М.: Клио, 2014.
10. *Дворниченко А. Ю.* Г. В. Вернадский — исследователь Киевской Руси // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах. СПб., 2016. Вып. 5: К 80-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. С. 56–81.
11. *Демина Л., Мохначева М.* Шахматов Мстислав Вячеславович // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: Энциклопедический биографический словарь / Под общ. ред. В. В. Шелохаева. М.: РОССПЭН, 1997. С. 711.
12. *Дербин Е. Н.* Проблема верховной власти в Древней Руси в трудах историков-юристов Харбинского центра русской эмиграции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2016. № 1. С. 18–30.

13. *Дербин Е. Н.* Проблема верховной власти Древней Руси в трудах историков белградского круга русской эмиграции (1920–30-е гг.) // *Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях.* СПб., 2016. Вып. 5: К 80-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. С. 82–105.
14. *Ковалев М. В.* Историческая память и идентичность российской эмиграции 1920–1930-х годов: очерки. Саратов: Сарат. гос. техн. ун-т им. Ю. А. Гагарина, 2013.
15. *Ковалев М. В.* Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940 гг.). Саратов: Сарат. гос. техн. ун-т, 2012.
16. *Малявин С. Н.* История русской социально-философской мысли. М.: Дрофа, 2003.
17. *Маслин М. А.* «Евразийские временники» как источник классического евразийства // *Евразийская идея и современность.* М.: Изд-во РУДН, 2002. С. 245–253.
18. *Назмутдинов Б. В.* Политико-правовые воззрения евразийцев в российском государствоведении XX века. М.: НИУ ВШЭ, 2013.
19. *Пашуто В. Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М.: Наука, 1991.
20. *Савицкий П. Н.* Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. (Б-ка отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века).
21. *Смолин М. Б.* Историческая справка об авторе книги // Шахматов М. В. *Государство правды.* М.: Изд-во «ФондИВ», 2008. С. 306–307.
22. *Соболев А.* К вопросу о внутренних трениях и противоречиях в евразийстве 1920-х годов // *Россия XXI.* 2002. № 5. С. 166–196.
23. *Сорокина М. Ю.* Российское научное зарубежье: материалы для биобиблиографического словаря. Вып. 4: Юридические науки: XIX – первая половина XX в. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2011.
24. *Суслов А. А.* «Государство правды» в трудах М. В. Шахматова и Н. Н. Алексеева // *Свободная мысль.* 2007. № 7. С. 180–191.
25. *Суслов А. А.* Русские политические идеалы в евразийской историософии: образ «государства правды» // *Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение.* 2008. № 7. С. 174–185.
26. *Трубецкой Н. С.* Письма к П. П. Сувчинскому: 1921–1928. М.: Б-ка-фонд «Русское Зарубежье»; Рус. путь, 2008.
27. *Хачатурян В. М.* Культура Евразии: этнос и геополитика // *Евразийская идея и современность.* М.: Изд-во РУДН, 2002. С. 98–104.
28. *Цепилова В. И.* Историческая наука русского зарубежья: проблемы историографии (1920–2004 гг.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005.
29. *Шахматов М. В.* Самобытничество и любовь к Отечеству // *Возрождение.* 1925. № 153, 160, 174.
30. *Шахматов М. В.* Опыты по истории древнерусских политических идей. Т. 1. Учения русских летописей домонгольского периода о государственной власти. Прага, 1926. Кн. 1. Начало соборности; Прага, 1927. Кн. 2. Начало единоличной власти.
31. *Шахматов М. В.* Государство правды. М.: Изд-во «ФондИВ», 2008.